

МУНИРА БАГИНА

Жара
ЧУЖОГО МУЖА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мунира Вагина

Жара чужого мужа

«Автор»

2026

Вагина М.

Жара чужого мужа / М. Вагина — «Автор», 2026

Соня Воронцова приходит к Юрию Ковалю не за любовью. Ей нужны деньги, чтобы вытащить брата из беды. Но Юрий — чужой муж, человек, привыкший решать чужие судьбы одним приказом. Вместо простой сделки Соня получает расписку, закрытые ворота и правила, по которым должна жить. Чем сильнее она пытается вырваться, тем опаснее становится их притяжение. Жена Юрия уже знает о сопернице. Старые долги превращаются в угрозы, ревность — в оружие, а запретная связь, которую следовало оборвать в самом начале, затягивает Соню всё глубже в чужую войну. Когда вокруг начинают исчезать доказательства, звучат выстрелы и всплывают тайны семьи Ковалей, Соне приходится решить, что страшнее: остаться рядом с мужчиной, которому она не принадлежит, или уйти именно тогда, когда желание становится сильнее страха. Потому что чужой муж может оказаться самым опасным мужчиной в её жизни — и единственным, от которого она уже не хочет спасаться. В книге присутствует нецензурная брань.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девушка из огня	5
Глава 2. Братов долг	11
Глава 3. Дом Ковалей	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жара чужого мужа

Глава 1. Девушка из огня

Портовый город просыпался не от солнца, а от грохота. На рассвете в доках лязгали цепи, ругались грузчики, тяжело кашляли буксиры. Ветер тянул с воды соль, мазут и рыбью чешую, прибитую к набережной после ночной разгрузки.

Осенью две тысячи двадцать четвёртого года Соня по-прежнему просыпалась раньше всех.

Не потому, что любила утро. Просто в коммунальной квартире утро начиналось с войны за кухню. Соседка из двадцать второй комнаты занимала плиту ещё до шести, старик Прохор запирает на замок чайник, а семья с третьего этажа выставляет в коридор таз с бельём, будто им принадлежал весь дом.

Соня лежала на узкой раскладушке и смотрела в потолок. Оттуда свисал серый пузырь штукатурки. Он держался уже третий месяц, постепенно увеличиваясь, словно тоже собирался съехать.

За стеной кто-то кашляет. В соседней комнате ругались шёпотом, чтобы не разбудить ребёнка. Внизу хлопнула дверь, и по лестнице загремели тяжёлые шаги.

Соня встала.

Вода в кране текла тонкой ржавой струёй. Она умылась, собрала волосы в узел и надела чёрные брюки, выстиранную рубашку и старую куртку. На левом предплечье, возле запястья, белела неровная полоса ожога. Шрам давно перестал болеть, но иногда чесался перед дождём.

Сегодня она должна была подавать на поминках в столовой при речном вокзале. Вчера звонил знакомый повар, просил выйти вместо заболевшей девочки. За четыре часа работы обещал заплатить. Если не передумает.

Повар мог передумать. Заказчик мог не прийти. Хозяин столовой мог решить, что Соня слишком медленно носит тарелки или слишком быстро ест. В её жизни всё держалось на чужом настроении.

Она заправила постель, сунула в карман мелочь и вышла в коридор.

— Соня, — окликнула её соседка. — Ты вчера за свет не отдала.

— Отдам вечером.

— Ты это позавчера говорила.

— Значит, вечером будет послезавтра.

Женщина недовольно поджала губы. Соня не стала ждать продолжения. Жалость она переносила хуже злости, а чужие упрёки обычно шли вместе с жалостью, как дешёвый соус к холодному мясу.

На улице было душно. Город стоял над водой, как ржавая кастрюля на медленном огне. С крыш капала ночная влага, стены домов темнели от сырости, а над портом уже поднималось белое солнце.

Соня шла быстро, прижимая к боку холщовую сумку. В ней лежали запасная рубашка, расчёска, иглолка с ниткой и кусок хлеба. Больше ей ничего не требовалось.

У рыбного рынка её окликнули.

— Жара!

Она обернулась.

У лотка стоял Мишка Буров — грузчик с красным лицом, огромными ладонями и привычкой разговаривать так, словно вокруг стояла буря.

— Чего? — спросила Соня.

— На разгрузку пойдёшь? Две машины. Платят наличными.

— Я в столовой нужна.

— Там тебе заплатят через неделю.

— А здесь?

Мишка почесал шею.

— Здесь — когда хозяин протрезвеет.

— Тогда тем более не пойду.

Он хохотнул.

— Вот ведь вредная. Тебя бы замуж.

— Не переживай. Если понадобится наказание, я сама найду способ.

Мишка проводил её взглядом и крикнул вслед:

— Жара, ты хоть когда-нибудь улыбаешься?

Соня не обернулась.

Прозвище приклеилось к ней шесть лет назад, после пожара на старом складе возле третьего причала. Тогда выгорело целое крыло — вместе с ящиками, краской, тряпьем и сторожкой. Официально причиной назвали неисправную проводку. Неофициально все знали: хозяин сэкономил на ремонте и заплатил нужному человеку, чтобы тот подписал бумагу.

В тот вечер Соня оказалась рядом случайно. Несла домой продукты, услышала крик и увидела, как из разбитого окна валит чёрный дым. Внутри оставался ребёнок.

Она не помнила, как вошла. Помнила только жар, от которого трескалась кожа на руках, и мальчика под перевёрнутым столом. Он был маленький, в красной куртке, и так крепко вцепился ей в шею, что потом пришлось разжимать его пальцы.

Соня вынесла его через боковую дверь, упала на снег и несколько минут не могла подняться. Руки обгорели до волдырей. Ребёнок кашлял, но дышал.

На следующий день газеты написали о пожаре. Её имя там не упомянули. Зато грузчики, продавщицы и таксисты быстро придумали другое.

Жара.

Сначала это звучало насмешкой. Потом стало почти именем.

Соня привыкла. Настоящее имя давно казалось ей слишком мягким для женщины, которая каждый месяц начинала жизнь заново.

В столовой при вокзале пахло варёной капустой, мокрыми тряпками и старым жиром. Повар, конечно, был трезвым и сердитым.

— Ты опоздала на семь минут, — сказал он.

— Я пришла раньше назначенного.

— Назначенное было в восемь.

— Тогда вы опоздали на семь минут.

Повар посмотрел на неё, тяжело вздохнул и сунул в руки белый передник.

— Разливай суп. И не спорь с людьми.

— С людьми я не спорю. Я спорю с теми, кто меняет условия на ходу.

— Разливай.

Посетителей оказалось больше, чем обещали. Поминки растянулись на два зала. Родственники покойного пили водку, ели борщ и говорили о том, каким хорошим человеком он был. Через час один из мужчин уже спорил со своей сестрой из-за квартиры, другой заснул лицом в салате, а пожилая женщина у окна тихо плакала, не притрагиваясь к еде.

Соня носила тарелки, меняла графины, вытирала столы. Один раз мужчина схватил её за бедро, когда она наклонилась поставить блюдо.

Она выпрямилась и поставила перед ним миску так резко, что борщ выплеснулся ему на рубашку.

— Ты что творишь, дура? — заорал он.

— Руки убираю.

— Я тебя...

— Договори.

Он замолчал. В её голосе не было ни громкости, ни угрозы. Только такое спокойствие, после которого люди обычно вспоминали о собственных зубах.

Повар потом вычел из платы стоимость испорченной рубашки.

К вечеру у Сони осталось сто восемьдесят рублей.

Она получила деньги, пересчитала их и убрала во внутренний карман. Повар отвёл взгляд.

— За лишние два часа доплачу в следующий раз.

— Конечно.

— Чего ты так смотришь?

— Никак.

— Вечно ты будто ждёшь, что тебя обманут.

— Потому что обычно так и бывает.

Она вышла на улицу.

Над портом сгущались облака. Ветер погнал по асфальту бумажный стаканчик. У входа в вокзал стояли двое мальчишек и курили одну сигарету на двоих. Увидев Соню, один кивнул.

— Жара, дай прикурить.

— У меня нет.

— А спички?

— Нет.

— А что у тебя есть?

Соня посмотрела на него.

— Плохое настроение.

Мальчишки прыснули, но отступили.

Дома её ждал брат.

Он сидел у окна, на подоконнике лежал телефон с разбитым экраном. Младше Сони на четыре года, худой, широкоплечий, с лицом, которое в последние месяцы стало старше. Он пытался казаться спокойным, но пальцы всё время двигались: то сжимались, то разжимались, то цеплялись за край стола.

— Ты ела? — спросил он.

— Борщ нюхала.

— Это не еда.

— Зато бесплатно.

Он не улыбнулся.

Соня сняла куртку, достала хлеб и положила на стол.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему у тебя лицо такое, будто тебя похоронили, а попрощаться забыли?

Брат отвёл взгляд.

— Я сам разберусь.

— Ты уже разобрался?

— Сонь.

— Сколько?

Он молчал.

Соня почувствовала, как усталость, до этого лежавшая где-то под рёбрами, медленно поднимается к горлу.

— Я спрашиваю, сколько ты должен.

— Неважно.

— Если бы было неважно, ты бы не сидел здесь с лицом человека, которому выдали последний день жизни.

— Я сказал, что сам решу.

— Ты умеешь решать только, какую рубашку надеть, когда денег хватает на одну.

Брат резко поднялся.

— Не надо со мной так.

— А как надо? Тихо? Ласково? Спросить, не нужна ли тебе помощь, когда ты уже продал бы собственные кости?

— Я не просил тебя за меня платить.

— Потому что тебе проще молчать, пока проблемы не начнут стучать в дверь.

Он отвернулся к окну. За стеклом темнели портовые краны, похожие на виселицы.

Соня сразу пожалела о сказанном, но извиняться не стала. Извинения в их семье всегда появлялись слишком поздно и обычно стоили денег.

— Сколько? — повторила она.

Брат долго молчал.

— Триста тысяч.

Она тихо рассмеялась.

— Отлично.

— Я верну.

— Чем?

— Найду работу.

— Ты месяц не можешь найти работу, которая не заканчивается дракой.

— Я не просил тебя меня спасать.

— А кто сказал, что я буду?

Он посмотрел на неё. В глазах у него мелькнуло то, чего Соня боялась больше всего, — не страх даже, а стыд.

Она отвернулась первой.

— Ешь, — сказала она. — Завтра будешь искать работу с утра. Не найдёшь — пойдёшь на рынок. Мишка возьмёт.

— Он меня не возьмёт.

— Возьмёт. Я попрошу.

— Ты никого ни о чём не просишь.

— Значит, начну с тебя.

Брат сел. Они ели молча, отламывая хлеб маленькими кусками. В комнате было тесно, но тишина казалась теснее.

Поздно вечером Соня вышла на общий балкон. Пол под ногами был влажным. Снизу доносился запах угля и канализации. Где-то у воды гудел корабль, медленно и протяжно, будто звал кого-то по имени.

Она закурила сигарету, хотя обещала себе бросить. Денег хватало на еду, но не на привычки. Поэтому приходилось выбирать, чем именно губить себя.

На соседнем балконе старик Прохор развешивал бельё.

— У тебя брат опять в беду попал? — спросил он.

— У него талант.

— Ты бы замуж вышла. Мужик помог бы.

— Мужик помог бы так, что пришлось бы ещё одну беду заводить.

— Не все такие.

— Конечно. Некоторые хуже.

Старик засмеялся, но быстро замолчал.

Соня смотрела на огни порта. За водой, в чёрной дали, стояли корабли. На их палубах горели редкие лампы, и казалось, будто там, среди ржавого железа и мокрых канатов, существует другой город — без долгов, коммунальных стен и людей, которые знали, сколько она зарабатывает.

Телефон в кармане завибрировал.

Номер был неизвестный.

— Слушаю.

— Это Соня?

Голос у мужчины оказался низким, ровным. Не пьяным и не торопливым.

— Смотря кто спрашивает.

— Мне дали ваш номер. Говорят, вы хорошо работаете на приёмах.

— Кто дал?

— Андрей Левин, водитель Ковалей. Ваш номер дал повар с речного вокзала.

— А моё согласие тоже он дал?

На том конце повисла короткая пауза.

— Завтра вечером нужна официантка. Частный дом. Оплата за один вечер — пять тысяч.

Соня перестала курить.

Пять тысяч за вечер платили либо за очень тяжёлую работу, либо за работу, о которой не говорили вслух.

— Что подавать?

— Ужин. Напитки. Ничего сложного.

— Сколько гостей?

— Около двадцати.

— Где дом?

Мужчина назвал адрес. Соня знала это место. За городом, у залива, за высоким каменным забором. Там жили люди, которые не стояли в очередях и не спорили с поварами из-за ста рублей.

— Почему я?

— Вас рекомендовали.

— Кто?

— Приезжайте завтра к семи. Одежда строгая, без украшений.

— Я не согласилась.

— Но вы приедете.

Соня усмехнулась.

— Уверенность — неприятная черта.

— Она помогает договариваться.

— А если я не приеду?

— Тогда вы потеряете пять тысяч.

Связь оборвалась.

Соня ещё долго держала телефон у уха, слушая пустоту.

Потом посмотрела вниз. В тёмном окне напротив отражалось её лицо — усталое, злое, слишком молодое для того, сколько всего оно уже знало.

Пять тысяч могли купить брату время. Могли оплатить комнату, лекарства, еду на две недели. Могли закрыть долг за свет и не дать соседке снова стучать в дверь.

Она докурила сигарету до фильтра и бросила её в мокрый двор.

Внизу хлопнула дверь. Брат позвал её из комнаты.

— Соня?

— Что?

— Ты завтра будешь дома?

Она посмотрела на огни за заливом.

— Нет.

— Куда пойдёшь?

— На работу.

— Куда?

Соня убрала телефон в карман.

— В дом богатых людей.

Брат ничего не ответил.

Ветер шевельнул её волосы. На левом запястье, под тонкой кожей, зудел старый ожог.
Так бывало перед грозой.

Или перед бедой.

Глава 2. Братов долг

Брат не ответил сразу. Из комнаты доносилось только тихое, неровное дыхание — будто он уже спал и во сне пытался убежать.

Соня вошла. Он сидел на краю раскладного дивана, положив ладони между коленями. Телефон с разбитым экраном лежал рядом.

— Почему молчишь? — спросила она.

— Ничего. Просто спросил.

— Ты никогда не спрашиваешь просто так.

Он посмотрел на неё и отвёл глаза.

— Не ходи туда.

— Куда?

— На эту работу.

Соня медленно сняла куртку.

— Ты знаешь, куда я иду?

— Нет.

— Тогда откуда взялся приказ?

— Сонь, я серьёзно.

— Я тоже.

Она повесила куртку на гвоздь возле двери. В комнате пахло сырой одеждой, дешёвым табаком и супом, который они разогревали уже третий день. За тонкой стеной соседка включила телевизор. Там кто-то смеялся слишком громко, будто смехом можно было заглушить собственную жизнь.

Брат поднялся.

— Эти люди не шутят.

— Какие люди?

Он провёл рукой по лицу. Под глазами лежали серые тени. На скуле, у самого уха, темнел след, похожий на размазанный синяк.

Соня заметила его ещё утром, но тогда свет был плохой. Теперь сомнений не осталось.

Она подошла ближе.

— Кто тебя ударил?

— Никто.

— Я вижу.

— Об угол зацепился.

— Об кулак?

Он отступил.

Соня не стала хватать его. Просто стояла перед ним и смотрела. Обычно брат сдавался быстро. В детстве он прятал под кроватью разбитые чашки, потом сам приносил веник и ждал наказания. Но сейчас в нём появилось что-то новое: не упрямство, а осторожность человека, который знает, что за каждым словом могут прийти.

— Покажи руки, — сказала она.

— Зачем?

— Покажи.

Он медленно вытянул ладони. На костяшках правой руки кожа лопнула, вокруг ногтей запеклась кровь.

Соня почувствовала, как в груди поднимается горячая, сухая волна.

— Ты дрался?

— Меня били.

— Кто?

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

— В подвале было темно.

Она молча посмотрела на него.

Снаружи в коридоре скрипнули половицы. Кто-то прошёл мимо их двери, остановился, прислушался и двинулся дальше. В коммунальной квартире чужая жизнь всегда стояла за стеной, как незванный свидетель.

— Рассказывай, — сказала Соня.

Брат сел обратно.

— Я взял деньги у одного человека.

— У кого?

— У Громова.

— Это имя мне ничего не говорит.

— Тебе и не должно.

— Сколько?

Он сжал пальцы.

— Сначала сто двадцать.

— Сначала?

— Я должен был вернуть через месяц сто сорок. Потом не получилось. Он добавил за просрочку.

— Сколько стало?

— Триста.

Соня усмехнулась, но улыбка вышла кривой.

— За какой срок?

— Два месяца.

— Это не долг. Это петля.

— Я знаю.

— На что ты их взял?

Брат молчал.

— На что?

— На работу.

— Какую ещё работу?

— Ничего особенного. Перевозка товара. Сказали, что нужно забрать груз в порту и отвезти на склад.

— И?

— Груз исчез.

Соня смотрела на него, не моргая.

— Ты его украл?

— Нет.

— Потерял?

— Нет.

— Тогда что случилось?

Он поднял глаза.

— Я приехал к третьему причалу. Там уже никого не было. Машина стояла открытая, товара нет. Позвонил тому, кто меня нанял, — телефон выключен. Через два дня пришли эти.

— И Громов предложил заём, чтобы закрыть чужой груз?

— Да. Сто двадцать выдала судоходная компания через Громова. Он тут же забрал деньги обратно — будто в возмещение пропажи. Сказал, иначе посадят.

— Ты вообще когда-нибудь думаешь до того, как подписываешь бумагу?

— Я хотел помочь.

— Кому?

— Себе.

Ответ был тихим, но честным. От него стало хуже.

Брат работал где придётся: на разгрузке, в автомастерской, у рыбаков. Иногда приносил домой деньги, иногда исчезал на несколько дней. Соня считала, что он просто искал место, где ему не будут платить меньше обещанного. Оказалось, он искал короткую дорогу из бедности. Такие дороги в их городе почти всегда вели к воде или в больницу.

— Ты подписал расписку?

— Да.

— Где она?

— У них.

— А копия?

Он кивнул на телефон.

— Сфотографировал.

— Покажи.

Экран светился трещинами. Брат несколько раз провёл пальцем по стеклу, открыл папку и протянул ей аппарат.

На фотографии лежал лист бумаги с его паспортными данными, суммой, сроком возврата и подписью. Внизу стояло название фирмы. Соня прочитала его дважды. Оно было ей знакомо: судоходная компания, которую она видела на бортах буксиров и в газетных объявлениях.

— Откуда у них этот бланк?

— Не знаю.

— Значит, кредитор — компания, а Громов только передавал деньги?

— В расписке так. Я тогда смотрел только на сумму.

— Для кого?

Брат отвернулся.

Соня приблизила изображение. Внизу, возле печати, стояла фамилия человека, которого она не знала. Но бумага выглядела не кустарной. Ровные строки, печать, подпись свидетеля. Слишком много порядка для случайной аферы.

— Ты ходил в полицию?

Он засмеялся. Смех получился коротким и пустым.

— С чем? С фотографией чужой расписки и лицом, которое мне разбили? Скажу, что взял деньги у людей, которых не знаю, на груз, которого не видел. Меня самого посадят раньше, чем начнут слушать.

— А если они тебя убьют?

— Тогда слушать уже не понадобится.

Соня развернулась к окну. За стеклом чернел двор-колодец. В одном из окон горел свет, на кухне кто-то мыл посуду. Тонкая струя воды падала в раковину, и этот звук казался почти мирным.

— Когда нужно вернуть деньги?

— Завтра вечером.

— Сколько у тебя есть?

— Четыре тысячи.

— Откуда?

— Остаток от аванса.

— Ты взял сто двадцать тысяч и потратил всё?

— Я вернул часть.

— Кому?
— Громову.
— Сколько?
— Двадцать.
— Значит, ты занял сто двадцать, отдал двадцать, а должен триста?
— Двадцать он зачёл. Осталось сто тысяч, а сверху накрутил двести — проценты, штрафы, какие-то расходы. Расчёта не дал.
— Проценты бывают у банков. У этих — повод прийти ещё раз.
Он ничего не ответил.
В дверь постучали.
Не громко. Три раза, с одинаковыми промежутками.
Брат побледнел так быстро, что Соня успела заметить, как у него дрогнул подбородок.
— Это они?
— Не знаю.
Стук повторился.
Соня подошла к двери. Брат схватил её за локоть.
— Не открывай.
— Убери руку.
— Соня.
— Убери.
Он отпустил.
— Кто там? — спросила она.
— Откройте.
Голос был мужской, спокойный. В нём не было угрозы, и оттого он звучал опаснее крика.
Соня посмотрела на брата. Тот отступил к стене.
— Кто вам нужен?
— Поговорить с вашим родственником.
— Он спит.
— Тогда разбудите.
— Уходите.
За дверью стало тихо. Потом мужчина сказал:
— Передайте ему, что срок не изменился. Завтра, до девяти вечера. Триста тысяч. Без этого разговора дальше будет неприятно.
— Уже неприятно, — ответила Соня.
— Это пока только разговор.
— Вы всегда так представляете разговоры? С разбитым лицом?
— Ваш брат сам выбрал условия.
Брат за её спиной тихо выругался.
Соня прижалась лбом к холодному дереву двери.
— Назовите себя.
— Спросите у него.
— Я спрашиваю вас.
— Меня зовут Виктор.
— Фамилия?
— Не понадобится.
— Тогда и имени достаточно не будет.
За дверью послышался короткий смешок.
— Вы Жара?
Соня замерла.

Никто из этих людей не должен был знать её прозвище. В коммунальной квартире его слышали все, на рынке — половина города. Но от этих слов воздух в комнате стал плотнее.

— Кто вам сказал?

— В городе много разговоров.

— Передайте тому, кто вас прислал: если ещё раз тронете моего брата, я сама приду и поговорю.

— Приходите. Только сначала принесите деньги.

Шаги удалились по коридору. Через несколько секунд хлопнула подъездная дверь.

Соня не двигалась.

— Ты говорил, что они тебя не знают, — сказала она.

— Я не говорил.

— Ты сказал, что не знаешь их.

— Это другое.

— Для мёртвого человека, может быть.

Она повернулась. Брат стоял у стены, прижав ладонь к боку. Лицо у него стало старше лет на десять.

— Они следят за тобой? — спросила Соня.

— Иногда.

— За мной тоже?

— Не знаю.

— Кто такой Громов?

— Человек, который собирает долги.

— А кто придумал эту историю с грузом?

— Не знаю.

— Ты слишком часто произносишь эти два слова.

— Потому что я правда не знаю!

Он сорвался на крик, потом зажал рот ладонью. В соседней комнате сразу стих телевизор.

— Тише, — сказала Соня.

— Я не хотел тебя втягивать.

— Ты втянул меня в тот день, когда решил молчать.

— Я думал, сам выберусь.

— Все так думают. А потом приходят ко мне.

Он опустился на диван и закрыл лицо руками.

Соня стояла напротив, чувствуя, как злость уступает место чему-то более тяжёлому. Она могла ругаться, бить посуду, отправлять людей к чёрту. Но не могла смотреть, как брат ломается у неё на глазах.

Она достала из аптечки спирт, вату и бинт.

— Снимай рубашку.

— Я сам.

— Я сказала, снимай.

Он подчинился. На рёбрах темнели два широких кровоподтёка. На левом боку проступала жёлтая полоса от старого удара.

Соня смочила вату. Брат дёрнулся.

— Терпи.

— Я терплю.

— Нет. Ты прячешься. Это не одно и то же.

Она обработала рассечённую кожу на костяшках. Делала всё аккуратно, хотя хотелось причинить ему такую же боль, чтобы он запомнил: молчание не спасает.

— Что будет завтра? — спросил он.

- Ты пойдёшь со мной.
- Куда?
- На рынок. К Мишке.
- Он не даст мне работу.
- Тогда будешь стоять рядом, пока не даст.
- А деньги?
- Я что-нибудь придумаю.
- У тебя нет трёхсот тысяч.
- Спасибо, что заметил.
- Не надо продавать комнату.
- Соня усмехнулась.
- Какую? Ту, в которой мы живём втроём с плесенью?
- Ты можешь взять деньги у кого-нибудь.
- У кого?
- Брат промолчал.
- Вот именно.

Она закончила перевязку и убрала аптечку.

В кармане куртки лежал телефон. На экране сохранялся неизвестный номер, предложивший пять тысяч за один вечер. Сумма была смешной по сравнению с долгом, но сейчас даже тысяча рублей казалась доской посреди глубокой воды.

Брат следил за её взглядом.

- Что это за работа?
- Официанткой.
- В каком месте?
- За городом.
- Сколько людей будет?
- Около двадцати.
- Почему платят пять тысяч?
- Потому что могут.
- Соня.
- Не начинай.
- Я не хочу, чтобы ты ехала.
- А я не хочу, чтобы тебя нашли в канаве. У нас обоих сегодня не лучший вечер.

Он встал и подошёл к окну.

- Если с тобой что-то случится...
- Со мной уже случалось. Я выжила.
- Не всегда можно выжить.

Соня посмотрела на его спину. Она помнила его мальчишкой: худые колени, разбитый нос, вечно мокрые волосы после купания в порту. Тогда он верил, что старшая сестра способна на всё. Теперь видел перед собой женщину, у которой в кошельке было сто восемьдесят рублей и чужой долг на шее.

- Завтра я съезжу, — сказала она. — Получаю деньги и возвращаюсь.
- А если это ловушка?
- Тогда буду кусаться.
- Они знают, где мы живём.
- Значит, тем более нельзя сидеть здесь и ждать.

Брат обернулся.

- Ты ведь уже решила.
- Да.

— Ещё до того, как мне рассказала?

— Ещё до того, как ты решил признаться.

Он кивнул. В этом движении было поражение, но не согласие.

Соня достала из шкафа чистую рубашку и положила рядом с ним.

— Ложись. Утром разбудишь меня в шесть.

— Я сам тебя разбужу.

— Не геройствуй.

— Я не герой.

— Это я заметила.

Он впервые за вечер улыбнулся, но улыбка сразу исчезла.

Соня погасила свет. Они легли в разных концах комнаты. За стеной снова включили телевизор, в трубах зашумела вода, по улице проехал грузовик. Город не собирался спать — он только менял одни угрозы на другие.

Через несколько минут брат сказал:

— Сонь.

— Что?

— Если завтра я не вернусь...

— Вернёшься.

— Если.

— Я тебя сама найду и убью.

— За что?

— За то, что заставляешь меня волноваться.

Он тихо выдохнул. Потом затих.

Соня лежала с открытыми глазами и смотрела в темноту. В голове снова звучал голос незнакомца: ровный, уверенный, будто пять тысяч уже лежали у него на столе, а её согласие было простой формальностью.

Она не доверяла богатым домам. Не доверяла мужчинам, которые говорили спокойно. Не доверяла предложениям, где слишком много денег давали за слишком мало работы.

Но больше всего она не доверяла тем минутам, когда выбора будто бы не оставалось.

На левом запястье зудел ожог.

Соня закрыла глаза и представила каменный забор, чужой дом за ним, длинный стол, накрытый для людей, которые никогда не считали мелочь перед кассой.

Потом представила брата у двери — с разбитым лицом и руками, которые не переставали дрожать.

Вечером она поедет.

Глава 3. Дом Ковалей

Утром Соня проснулась до будильника. За окном серел двор, в кухне капала вода из крана, а брат спал, отвернувшись к стене. На его лице, даже во сне, держалось напряжение.

После чая они сходили на рынок к Бурову. Увидев, как Михаил держится за бок, Мишка велел ему сначала лечиться. К вечеру Соня достала из шкафа единственное платье, которое не выглядело совсем дешёвым, и долго стояла перед мутным зеркалом в коридоре. Чёрная ткань облегла плечи, на левом запястье белел старый ожог. Следы пожара она не прятала. Пусть видят.

— Ты точно едешь? — спросил брат.

Он стоял в дверях, придерживая бок.

— Я уже оделась.

— Это не ответ.

— Да.

— Куда?

— В дом Ковалей.

Брат замолчал. Даже соседский телевизор за стеной будто стал тише.

— К кому?

— К Ковалям.

— Соня, не надо.

— Ты это уже говорил.

— Я серьёзно. Это не просто богатые люди.

— А кто?

Он посмотрел на неё с таким выражением, словно пытался объяснить ребёнку, почему нельзя трогать оголённый провод.

— У Ковалей в городе всё.

— Всё — это что?

— Порт. Заводы. Половина судов. Люди в мэрии. Люди в полиции. Даже те, кто делает вид, что их не знает.

— Значит, заплатят вовремя.

— Ты слышишь себя?

— Прекрасно слышу.

Она взяла сумку. Внутри лежали расчёска, пачка сигарет, дешёвая пудра и складной нож. Нож Соня переложила во внутренний карман платья.

— Если я не вернусь к полуночи, позвони Мишке с рынка, — сказала она. — Номер записан на холодильнике.

— У меня телефон почти разряжен.

— Заряди.

— Сонь...

Она остановилась у двери.

— Я не собираюсь продавать себя. Работаю, получаю деньги и возвращаюсь.

Брат отвёл взгляд.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю. Но ты всё равно подумал.

На лестнице пахло варёной капустой и сырой штукатуркой. У подъезда её ждал серый автомобиль без опознавательных знаков. За рулём сидел худой мужчина в тёмной куртке. Он вышел, открыл заднюю дверь и кивнул на сиденье.

— Соня?

— А вы кто?

— Водитель.

— Имя у водителя есть?

— Андрей.

— Фамилия?

Он посмотрел на неё через крышу автомобиля.

— Не понадобится.

— У вас все так разговаривают?

— Как?

— Будто уже знают, что я никуда не денусь.

Андрей ничего не ответил. Соня села, не закрывая дверь.

— Адрес вы получили от того, кто звонил?

— Да.

— А если я передумаю?

— Тогда я отвезу вас обратно.

— Правда?

— Мне всё равно, куда ехать.

Это ей понравилось. В равнодушии было меньше лжи, чем в любезности.

Город заканчивал рабочий день. На перекрёстках толпились рабочие, возле хлебного магазина ругались две женщины, над крышами порта висел сизый дым. Соня смотрела на знакомые улицы и думала, что город Ковалей начинался не за воротами их дома. Он был здесь — в ржавых кранах, в очередях за дешёвой рыбой, в конторах, где людям месяцами не платили жалованье.

За последним светофором асфальт стал ровнее. Дома отступили, уступив место соснам и высоким каменным оградкам. Вдоль дороги тянулись одинаковые фонари, хотя до ближайшего посёлка было несколько километров.

— Они сами поставили? — спросила Соня.

— Кто?

— Фонари.

— Наверное.

— А кто отвечает за дорогу?

— Дорожная служба.

— Которая принадлежит Ковалям?

Андрей бросил на неё быстрый взгляд.

— Вы много спрашиваете.

— Это у меня работа такая.

— Сегодня ваша работа — молчать и носить подносы.

— Тогда вы зря меня предупредили.

Он впервые усмехнулся, но улыбка не задержалась.

Ворота появились внезапно. Чёрный металл, каменные столбы, камеры под козырьками. За оградой виднелся дом — не дворец, а большое строгое здание из светлого камня. Оно казалось старше, чем было на самом деле: слишком много окон, слишком тяжёлая крыша, слишком спокойный вид.

Охранник проверил машину, документы и только после этого поднял шлагбаум.

— Здесь что, государственный объект? — спросила Соня.

— Почти.

Дом встретил её запахом воска, цветов и дорогого дерева. Внутри царила такая тишина, что каблуки отдавались по мраморному полу, будто кто-то стучал из-под земли.

У лестницы их ждала женщина лет сорока пяти. Высокая, сухая, с гладко убранными волосами.

— Вы Соня?

— Да.

— Я Вера Павловна, управляющая домом. Телефон оставьте здесь.

Она протянула ладонь.

— Зачем?

— Таков порядок.

— Я не заключённая.

— Никто этого не утверждал.

— Тогда телефон останется у меня.

Вера Павловна посмотрела на неё без раздражения. Взгляд был усталым, как у человека, которому много раз приходилось спорить с чужой глупостью.

— Если госпожа Коваль узнает, что вы нарушили правило, вас отправят обратно без денег.

— А если телефон останется здесь, я уйду сама.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Положите его в шкафчик, — сказала управляющая. — Ключ получите после окончания работы.

Соня достала телефон и убрала за дверцу. Ключ Вера Павловна не дала.

— Ключ у меня.

— Конечно.

Ей выдали белую рубашку, чёрную юбку и передник. Одежда была чистой, выглаженной, но чужой. От неё пахло крахмалом и чужими руками.

На кухне кипела работа. Повара кричали друг на друга, официанты носились между плитой и длинным столом, у стены остывали блюда в серебряных мисках. Соня увидела запечённую рыбу, мясо под тёмным соусом, десятки маленьких пирожков, которые стоили, вероятно, больше, чем её месячная еда.

— Не трогайте ничего без разрешения, — сказала Вера Павловна. — Не вступайте в разговоры. Не смотрите на гостей слишком долго. Если госпожа Коваль подаст знак, подойдёте немедленно. Если господин Коваль попросит вас остаться, останетесь.

— А если он попросит меня прыгнуть из окна?

— В этом доме окна не открываются.

— Удобно.

Управляющая чуть заметно сжала губы.

— Вы здесь не для шуток.

— Я здесь за пять тысяч.

— Тогда постарайтесь их заработать.

Первые гости начали прибывать к восьми. Женщины входили в дом в платьях, которые не мялись даже под мокрыми плащами. Мужчины стряхивали с рукавов невидимую пыль и отдавали пальто слугам, не глядя на них.

Соня разносила шампанское, слушала обрывки разговоров и быстро поняла: здесь никто не называл Ковалей хозяевами города. Они говорили о них так, как говорят о погоде или болезни — без удивления, с привычным страхом.

— Если Юлия подпишет договор, областная комиссия даже не приедет, — сказал седой мужчина у камина.

— Она уже подписала, — ответила женщина с тяжёлыми серьгами. — Комиссия приедет, когда будет нужно.

— А порт?

— Порт останется за своими.

— За Ковальями, хотите сказать?

Женщина отпила из бокала.

— Не произносите фамилии так громко.

Соня поставила бокал на поднос и отошла.

В другом конце зала двое чиновников спорили о судоходной компании. Один говорил, что новая пристань разорит мелких перевозчиков. Второй пожал плечами:

— Мелкие перевозчики разорятся в любом случае. Вопрос только в том, кому они отдадут землю.

— А если не отдадут?

— Тогда найдут нарушение.

Эти слова прозвучали буднично. Не как угроза, а как способ ведения хозяйства.

Соня вспомнила фотографию расписки брата. Название судоходной компании было тем же, что стояло на бортах буксиров и теперь звучало в разговорах гостей.

Она едва не остановилась посреди зала.

— Девушка, шампанское, — окликнул её мужчина в сером костюме.

Соня подошла.

— Вам какое?

— Холодное.

— Оно всё холодное.

— Тогда самое холодное.

Он засмеялся, ожидая, что она поддержит шутку. Соня налила ему бокал и отошла.

На верхней площадке лестницы появилась Юлия Коваль.

Разговоры не стихли, но изменились. Люди начали говорить тише, расправлять плечи, проверять выражения лиц. Юлия спускалась медленно, не торопясь, словно дом принадлежал не ей, а она позволяла ему существовать.

Юлии было тридцать четыре. Светлые волосы убраны на затылке, платье тёмно-зелёное, без украшений, кроме тонкой цепочки на шее. Красота её не смягчала. Наоборот, делала лицо похожим на хорошо закрытую дверь.

Рядом с ней шёл мужчина.

Соня увидела его сначала со спины: высокий, широкоплечий, в чёрном костюме. Он не касался Юлии и не пытался ей угодить. Когда они спустились на последний пролёт, мужчина повернул голову.

У него было тяжёлое лицо и внимательные глаза. Не злые — хуже. Спокойные.

— Это мой муж, Юрий Коваль, — сказала Юлия, обращаясь к гостям.

Юрий коротко кивнул.

Соня успела заметить, как он посмотрел на её руки. Не задержался на ожоге, не сделал вид, что ничего не увидел. Просто отметил. Как отмечают запёртую дверь или оружие на столе.

Вера Павловна коснулась локтя Сони.

— Поднос.

Соня подала Юрию бокал. Он взял его, но не отпил.

— Вы новая? — спросил он.

— Сегодня первая смена.

— И уже спорите с управляющей?

— Она рассказала?

— Здесь всё слышно.

— Тогда вы знаете, что телефон мне не вернули.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Хотите вернуть?

— Очень.

— После работы получите.

— Я это уже слышала.

— Значит, услышите ещё раз.

Юлия повернула голову.

— Юрий.

Он посмотрел на жену.

— Да?

— Нам нужно поприветствовать гостей.

— Иду.

Юлия задержала взгляд на Соне. В нём не было ревности или любопытства. Только быстрая оценка — от обуви до лица.

— Как её зовут?

— Соня, — ответила сама девушка.

— Полное имя?

— Соня мне подходит.

На лице Юлии ничего не изменилось, но Вера Павловна едва заметно напряглась.

— Здесь не любят фамильярность, — сказала Юлия.

— Я тоже.

Юрий впервые посмотрел на неё прямо.

Юлия взяла его под руку и увела к гостям.

Соня почувствовала, что ладонь под подносом стала влажной. Она поставила бокалы на стол и ушла в кухню. Там было жарко, шумно и пахло укропом, мясом и горелым маслом. Пространство, где никто не пытался изображать достоинство, показалось ей безопаснее парадного зала.

— Коваль сегодня в плохом настроении, — сказал молодой официант, раскладывая приборы.

— А обычно он весёлый?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь?

Парень посмотрел на неё и понизил голос:

— Когда он злится, увольняют не его.

— Кого?

— Кого угодно.

В зал вошёл мужчина лет пятидесяти с красным лицом. За ним двигались двое охранников. Он говорил по телефону, не снимая пальто.

— Передайте Громову, что я не собираюсь ещё раз платить за один и тот же груз, — сказал он. — Коваль обещал закрыть вопрос.

Соня застыла у двери.

— Что случилось? — спросил молодой официант.

— Ничего.

Но имя уже застряло внутри.

Громов. Судоходная компания. Исчезнувший груз. Расписка с печатью.

Слишком много совпадений для одного вечера.

Она вернулась в зал, стараясь не искать Юрия взглядом. Он стоял у окна и разговаривал с тем самым краснолицым мужчиной. Их разговор был тихим, но мужчина несколько раз повысил голос.

— Я не отвечаю за чужую глупость, — сказал Юрий.

— Вы отвечаете за всё, что проходит через ваш порт.

— Не путайте должность с властью.

— А разве это не одно и то же?

Юрий поставил бокал на подоконник.

— В вашем случае — нет.

Краснолицый мужчина замолчал.

Соня смотрела на них, пока не почувствовала рядом чужое присутствие.

— Вы слишком внимательно слушаете, — сказал Юрий.

Она обернулась. Он стоял почти вплотную.

— Я работаю ушами, когда руки заняты.

— И что слышали?

— Что в вашем порту пропадают грузы.

— В любом порту пропадают грузы.

— А потом кто-то требует за них триста тысяч.

Его лицо не изменилось. Только взгляд стал жёстче.

— Кто требует?

— Вы не слышали?

— Я спрашиваю вас.

— Тогда вам не сюда. Здесь всё слышно.

Несколько секунд он молчал. Потом забрал с её подноса бокал.

— Как ваша фамилия?

— Зачем?

— Любопытно.

— Не привыкайте.

Юрий сделал глоток и поставил бокал обратно.

— Не привыкну.

Из-за спины донёсся голос Юлии:

— Юрий, гости ждут.

Он не сводил глаз с Сони.

— Идите.

— Это приказ?

— Совет.

— Советы здесь тоже оплачивают?

На этот раз в его лице действительно возникла тень улыбки. Не доброй и не весёлой — словно он нашёл в стене трещину и решил рассмотреть её поближе.

— Иногда.

Он отошёл.

Незадолго до девяти Вера Павловна позволила ей проверить телефон. Миша написал: «Громов дал ещё двое суток. Сказал, за нас попросили». Соня не знала кто. Она продолжила работу до полуночи. За это время она узнала, что Ковалёвым принадлежали причалы, рыбный завод, страховая контора и гостиница на набережной. Один из гостей шутил, что в городе осталось только кладбище, которое ещё не купила Юлия.

— Пока, — ответила ему женщина с серьгами.

Соня слышала, как обсуждали назначение нового начальника порта, закрытие мастерской и дело, которое собирались прекратить в суде. Никто не спрашивал, законно ли это. Все спрашивали, договорились ли уже.

В конце вечера Юлия остановила её у лестницы.

— Вы хорошо запоминаете лица, — сказала она.

— Приходится.

— Вы знаете моего мужа?

— Сегодня увидела впервые.

— Не лгите.

— Тогда вы зря задаёте вопросы.

Юлия рассматривала её ожог.

— Это правда, что вас называют Жарой?

Соня почувствовала знакомый зуд под кожей.

— В городе так говорят.

— Я не люблю прозвищ. Они превращают человека в историю.

— Иногда история — единственное, что у него остаётся.

Юлия чуть наклонила голову.

— Осторожнее.

— С чем?

— С тем, что вы хотите узнать о моём доме.

Она произнесла это почти мягко. От мягкости Соня ощутила холод.

— Я пришла работать.

— Все так говорят.

Юлия ушла, не дожидаясь ответа.

Вера Павловна вернула телефон у служебного входа. На экране было семь пропущенных вызовов от брата и одно сообщение: «Ты где? Ответь».

Соня набрала номер. Брат ответил после первого гудка.

— Ты цела?

— Да.

— Где ты?

— Выхожу из дома.

— Соня, не возвращайся одна.

— За мной машина.

— Чья?

Она посмотрела через стеклянную дверь на серый автомобиль у ворот. Рядом стоял Юрий Коваль. Он курил, глядя на неё, и в темноте огонёк сигареты казался единственной живой точкой.

— Ковалей, — сказала Соня.

На другом конце повисла тишина.

— Соня...

— Я скоро буду.

Она закончила разговор и вышла на холодный воздух.

Юрий не двинулся с места.

— Водитель отвезёт вас домой, — сказал он.

— Я не просила.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Он стряхнул пепел.

— В этом городе редко дают пять тысяч за один вечер работы.

— Я уже получила деньги?

— Получите.

— А если не заплатите?

— Получите.

Соня остановилась перед ним.

— Вы знали о моём брате?

Юрий не ответил.

Этого молчания оказалось достаточно.

— Я задала вопрос.

— А я услышал.

— Это не ответ.

— Пока нет.

За воротами тянулась тёмная дорога. Дом за спиной светился всеми окнами, как огромный глаз, который не умел закрываться.

Соня сжала телефон в руке.

— Тогда передайте своим людям: я не люблю, когда за мной следят.

— Передам.

— И не люблю, когда трогают мою семью.

Юрий посмотрел на ожог у неё на запястье.

— Это я уже понял.

Он открыл дверцу автомобиля и передал ей конверт с платой.

Соня села, но прежде чем закрыть дверь, спросила:

— Громов работает на вас?

Юрий стоял в свете фонаря. Его лицо стало непроницаемым.

— В этом городе многие работают на меня, — сказал он. — Даже те, кто об этом не знает.

Дверь захлопнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.